

УДК 297

ЛИТВИНОВ Владимир Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, Россия, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 28; vladlenli@yandex.ru)

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН РУССКОГО ТУРКЕСТАНА (1865–1917 гг.)

Аннотация. В статье автор рассматривает санитарно-эпидемиологические меры, принимаемые властями в системе паломничества мусульман Туркестана. О том, что в Туркестане постоянно существует опасная эпидемическая ситуация, в царском правительстве знали задолго до присоединения Средней Азии к России. Современные историки стран так называемой Центральной Азии утверждают, что российская власть запрещала региональное паломничество, хадж в Мекку и зиярат шиитов к сакральным объектам в Персии и Турецкой Аравии (Ираке) по политическим мотивам. Однако это является фальсификацией. Российская власть вводила запреты паломничества мусульман только в случаях опасных эпидемических ситуаций.

Ключевые слова: хадж, мусульмане, Средняя Азия, Мекка, эпидемии

Паломничество мусульман Туркестана издавна было двойственным по своей природе: местное (зиярат) и хадж в Мекку. Персы-шииты региона совершали паломничество к своим святым местам в Иране и Ираке (Турецкой Аравии). Сам Туркестан и сопредельные с ним регионы часто становились ареной распространения опасных эпидемических заболеваний. Естественно, это затрудняло паломничество любого вида, но особенно хадж и зиярат шиитов, поскольку паломники посещали регионы, в которых была сложная эпидемиологическая обстановка. Не было никаких специальных противоэпидемических служб ни в самом Туркестане, ни в соседних странах. Они стали появились в рассматриваемом регионе только после присоединения Средней Азии к России в 1860-х гг.

О том, что в Туркестане постоянно существует опасная эпидемиологическая ситуация, в царском правительстве знали задолго до присоединения Средней Азии к России. Об этом сообщали люди, посылаемые им в регион. Так, например, российский горный инженер Т.С. Бурнашев, побывавший в Туркестане в 1790-х гг., сообщал о распространении множества болезней в Бухарском ханстве в конце XVIII в. Он писал о риште, вызываемой грязной водой, о распространении малярии, оспы, тифа, чумы, лихорадки и сифилиса, который он называл «любоострастной болезнью» [Бурнашев 1818: 114-115]. Российский исследователь Г. Спасский писал о том, что в своем отчете о путешествии в Ташкент в 1800 г. горные чиновники Бурнашев и Поспелов отмечали, что в Ташкенте имели распространение многие болезни, из которых «оспа и горячка производят иногда гибельные следствия» [Спасский 1818: 229].

Столкнувшись с реальностью медико-санитарного состояния в Туркестане после присоединения Средней Азии к России, царское правительство осознало, что предвзятительное знание об эпидемических опасностях в ней выглядело даже оптимистическим. Положение было действительно удручающим. Эпидемические заболевания в большинстве своем проникали из-за рубежа (из Китайского Туркестана, Афганистана, Персии и др.), но они попадали на благоприятную для своего распространения почву. Особенно опасным в санитарно-

гигиеническом отношении был Китайский Туркестан, где были густонаселенные города. Английский врач Белью, сопровождавший британское посольство к правителю Кашгарии Якуб-беку в 1870-х гг., отмечал, что в Восточном Туркестане было много разных болезней – тиф, лихорадка, оспа, золотуха, глазные болезни и т.д., «которые происходили от недостатка гигиены в соединении с порочными привычками» [Белью 1877: 18]. Учитывая исторически давние и разнообразные связи Средней Азии (Западного Туркестана) с Восточным, можно сказать, что именно из Кашгарии проникало в Русский Туркестан большинство эпидемических заболеваний. Ранее они находили здесь благодатную почву для распространения, поскольку санитарное состояние всех населенных пунктов Средней Азии в дороссийский период оставляло желать лучшего. Однако с приходом России произошли изменения в санитарно-гигиеническом надзоре и контроле, но они были частичными. Газета «Туркестанские ведомости» писала в 1882 г. о том, что санитарное состояние «туземных» селений в крае можно характеризовать как угрожающее, порождающее массу инфекционных заболеваний среди населения¹. Газета «Терджиман» писала 18 марта 1890 г., что туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский посетил Бухару и «русское население обратилось к нему с предложением донести до эмира о гигиене и чистоте города»². И это подтверждалось многими конкретными жизненными примерами. Наиболее частой «гостьей» в Средней Азии была холера, которая фактически не покидала регион. Поскольку сегодня историки-националисты из стран так называемой Центральной Азии обвиняют русскую прессу Туркестана в ангажированности, то мы позволим себе сослаться на соответствующие сведения, которые публиковала популярная среди мусульман России указанная нами газета «Терджиман», издававшаяся в Бахчисарае (Крым) известным исламским прогрессистом И. Гаспринским, которую трудно заподозрить в проправительственной ориентации. Она постоянно информировала читателей о сложной эпидемической обстановке в Средней Азии, причем достаточно объективно. Так, например, И. Гаспринский сам писал 31 июля 1889 г. в газете «Терджиман» (№ 28) о том, что холера в Бухаре «свирипа» – за 3 дня умерли 702 местных жителя, тогда как русские жители и рабочие-железнодорожники не пострадали, т.к. среди них медики провели профилактику³. Он же писал в газете «Терджиман» от 21 августа 1892 г. (№ 31), что с 7 июня по 2 августа в Ташкенте из 396 холерных русских умерли 209 чел., тогда как из 1 344 мусульман – 1 325. Гаспринский констатировал: «Удивительно, половина заболевших русских выздоровела, а мусульмане почти все заболевшие умерли; значит, мы сами должны заботиться о своем здоровье (курсив наш. – В.Л.)»⁴.

Как известно, холера лета 1892 г. вызвала бунт среди мусульман Ташкента, которые встретили в штыки вынужденные и необходимые санитарно-гигиенические меры властей, направленные на то, чтобы спасти жизни людей. Газета «Терджиман», понятно, промолчала относительно их полезности, однако признавала, что в 1892 г. в результате профилактических мер бухарского правительства (исполнявшихся русскими медиками) на территории ханства не было «повальных» болезней⁵. Газета отмечала в июне 1892 г., что холера перебралась из Афганистана в Среднюю Азию и на Кавказ⁶. В 1903 г., когда холера свирип-

¹ Санитарное состояние Туркестанского края в 1882 году. – *Туркестанские ведомости*. 1884. № 19.

² Цит. по: Абдирашидов З. *Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917)*. Токио. 2011. С. 67.

³ Там же. С. 64

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 76.

ствовала в Хивинском ханстве, «Терджиман» задавала вопрос: «От холеры можно делать вакцинацию, или этот способ не известен в Хиве?»¹ Крымский татарин, видимо, не верил в то, что его единоверцы в Хиве живут в условиях средневековья, в связи с чем им многое было неизвестно из того, что знали и свободно применяли российские мусульмане в Поволжье, Западной Сибири, Крыму. Другим постоянным заболеванием в Туркестане была малярия. Та же газета «Терджиман» писала 8 сентября 1889 г. (в № 32), что в Бухаре свирепствует малярия, унесшая за летние месяцы 7 тыс. жизней. Основная причина — непроточная вода. Каждый день умирали 150 чел. При этом газета подчеркивала, что русские в Бухаре не заболели, т.к. по отношению к ним были приняты санитарно-гигиенические меры². Судя по сообщениям газеты, «по рекомендации русских чиновников бухарский эмир купил лекарства от малярии на 6 тысяч рублей для распространения среди населения»³. А потому в 1890 г. в Бухаре не было малярии, поскольку вычистили базары и площади и купили «необходимое количество лекарств»⁴.

В 1890-х гг. малярия «трясла» население Ташкента, Ангрена, Мервского оазиса и других районов. Особенно опасной была вспышка малярии в селении Озноб Самаркандской области, куда даже вызвали врачей из Петербурга. Газета признавала, что русскими властями были приняты все меры к пресечению распространения малярии из района селения Озноб, и 23 ноября 1898 г. писала, что председатель русской врачебной комиссии по ликвидации малярии был принят бухарским эмиром, который просил его перечислить меры, которые следует принять для предотвращения эпидемии малярии в Бухарском ханстве⁵. 8 декабря 1898 г. она сообщала (№ 48), что эпидемия малярии в Самаркандской области ликвидирована⁶. 15 апреля 1899 г. газета «Терджиман» (№ 14) писала о том, что русские врачи из комиссии по борьбе с малярией посетили в Самарканде медресе «Шир-дор» и показали 300 муллабачам (студентам) через микроскоп вирус малярии. Газета хвалила их за это⁷. Нередким явлением в жизни Средней Азии были и эпидемии оспы⁸.

Особенную опасность для жителей Туркестана представляла чума — так называемое моровое поветрие. В самом конце XIX в. регион вызвал большую тревогу у столичных властей, которым было известно, что чума уже заявила о себе (Афганистан, Персия, Западный Китай — Синьцзян)⁹. По сообщениям прессы, она свирепствовала во многих местах Русского Туркестана¹⁰. Поэтому осенью 1898 г. в Туркестанский край, объединявший к тому времени все 5 российских областей в Средней Азии (Сырдарьинскую, Семиреченскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую), был отправлен сам председатель правительственной противоэпидемической комиссии принц Ольденбургский, наделенный

¹ Там же. С. 143.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Там же. С. 121; Из уездов. — *Семиреченские областные ведомости*. 1908. № 53.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. МИД. Отд. В.С. Д. 3260. Чума в Кашгарии; Ф. 147. Оп. 485. Д. 3204. Чума в Китайском Туркестане.

¹⁰ Местные известия. Опасная эпидемия. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 76; Местные известия. Анзобская эпидемия. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 78; Приказы Главного начальника Туркестанского края о борьбе с чумой. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 187–188; Предостережение с Востока. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 83 и др.

весьма обширными полномочиями, даже выходящими за пределы его «профильной» деятельности¹.

Во-первых, он получил от государя императора право отстранять от должности лиц, виновных в лихоимстве, злоупотреблениях и др. должностных преступлениях и проступках, вплоть до имеющих 4-й класс включительно. Таким образом, действительные статские советники, приравненные по «Табели о рангах» к воинскому званию генерал-майора, могли пострадать по воле лишь одного лица — царского родича и главного борца с эпидемическими заразами в империи. Во-вторых, он получил право докладывать царю о злоупотреблениях каждого лица, назначенного высочайшим указом, т.е. генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа, областных губернаторов и прочих высших руководителей, состоявших в 3-м классе (генерал-лейтенантов) и выше.

В-третьих, принцу предоставлялось право использовать войска в необходимых случаях и по собственному усмотрению. Наконец, в-четвертых, он имел также право высылать из Туркестанского генерал-губернаторства (края) всех тех, кто, по его мнению, представлял опасность и вред для «русского дела» в Средней Азии. Принц начал действовать в чумном Туркестане решительно и энергично, о чем сообщала пресса². В край приехали ведущие специалисты по борьбе с чумой. Среди них был и доктор-осетин (статский советник) М.Х. Далгат (1849–1922), ездивший вместе с капитаном Давлетшиным для изучения медико-санитарной обстановки в Хиджазе (Мекке и Медине). Публикатор С.А. Магомедова пишет о том, что «сразу после возвращения из Аравии 17 октября 1898 г. Далгат был командирован в Туркестанскую губернию (Средняя Азия) для оказания помощи местным врачам в борьбе с эпидемией чумы. Из командировки он возвратился 20 января 1899 г.»³.

Усилиями комиссии принца Ольденбургского и краевых властей чума в Русском Туркестане в конце XIX в. была подавлена, однако она и в дальнейшем продолжала проникать в регион из сопредельных стран — китайского Синьцзяна, Афганистана и Персии. В начале XX в. чума достигла отрогов Памира. Военный губернатор Ферганской области генерал-майор Г.А. Арендаренко сообщил в рапорте от 18 ноября 1902 г. туркестанскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Н.А. Иванову, что неподалеку от Ташкургана (на российско-китайской границе. — *В.Л.*) обнаружилась болезнь, от которой «через два-три часа наступает смерть»⁴. Болезнь уже появилась в Гильгите. В Ташкурган выехал врач Памирского отряда Пальчиковский и признал в болезни «бубонную или легочную чуму». Он отмечал, что в Ташкургане люди перепуганы известиями о приближающейся эпидемии. Арендаренко просил туркестанского генерал-губернатора выделить 2 тыс. руб. для найма дополнительного штата охраны границы из числа киргизов⁵. Однако 24 ноября 1902 г. штаб ТуркВО писал ферган-

¹ См.: Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции — О предоставлении особых полномочий Председателю Высочайше утвержденной Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой, Его Высочеству, Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому для организации в Туркестанском крае наиболее соответственных и энергических способов борьбы с появившейся там болезнью. 18 октября 1898 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 15993. С. 956.

² Приказы председателя Высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения с чумной заразой Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского от 30 октября 1898 г. № 1-2. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 85; Приказы председателя Высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения с чумной заразой Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского от 19 ноября 1898 г. № 6 и от 23 ноября 1898 г. № 9. — *Туркестанские ведомости*. 1898. № 90.

³ Магомедова С.А. Доктор Далгат никогда не отказывал во врачебной помощи бедному населению... 1890–1911 гг. — *Исторический архив*. 2009. № 6. С. 203.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1617. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10(об).

скому губернатору, что «главный начальник края» отказал в выделении испрашиваемых им средств¹.

16 декабря 1902 г. начальник Памирского отряда капитан Снесарев писал в штаб ТуркВО, что на российские территории надвигается чума². 18 января 1903 г. Снесарев сообщал в штаб ТуркВО, что в Горном Бадахшане вспыхнула эпидемия кори, от которой умерло много детей. 1 марта 1903 г. в рапорте в штаб ТуркВО он указывал, что болезнь в Бадахшане продолжается³. 7 апреля 1903 г. Снесарев сообщал в штаб ТуркВО, что новые сведения об эпидемии отсутствуют, но «не получалось также сведений о ее прекращении»⁴. 1 сентября 1903 г. он писал в штаб ТуркВО, что на рубежах Русского Памира вновь появилась холера⁵.

В 1907 г. первые признаки чумы обнаружили в Пржевальском уезде Семиреченской области, граничившем с Китайским Туркестаном. Поскольку граница с ним была фактически свободна для прохода, то кочевники, торговцы и паломники заносили заразу из Кашгарии. И так было с давних пор. Семиреченский областной врач Н.Л. Зеланд писал, что 20 августа 1886 г. российский императорский консул в Кашгаре (Н.Ф. Петровский) сообщил в город Верный, что в китайском городе Аксу (Кашгария) «открылась сильная холера» [Зеланд 1888: 1]. Это было предупреждением для властей Семиреченской области, граничившей с Кашгарией. Поэтому было решено отправить семиреченского областного врача в Кашгарию, чтобы он на месте установил, действительно ли болезнь в Аксу является холерой и насколько она опасна для населения Семиречья [Зеланд 1888: 1]. Позже, прибыв в местность Аксу, Зеланд писал: «...ко времени нашего прихода в Аксу quasi-холера уже угасла» [Зеланд 1888: 112].

Информируя население о чумной угрозе в 1907 г., областная пресса публиковала правила санитарного содержания всех населенных пунктов Семиреченской области⁶. Но чума из Прииссыккуля перебралась в Атбашинский участок Пржевальского уезда Семиреченской области⁷. Симптомы ее проявлялись и позже, вплоть до начала Первой мировой войны⁸. Газета «Терджиман» писала 11 декабря 1912 г. (№ 49), что официально подтвержден факт чумы в окрестностях Мерва⁹. 30 декабря 1912 г. в газете «Терджиман» (№ 63) отмечалось, что в Мерве русскими властями начато проведение интенсивных и срочных противочумных мер¹⁰.

Понятно, что в рассматриваемый нами период не только в Туркестане, но и в большинстве стран мира (особенно в слаборазвитых и колониальных) часто имели место разного рода эпидемии – чумы, холеры, оспы, тифа и прочих опасных заболеваний. В это время они случались даже в развитых странах. Но в таких странах уже существовали развитые медицинские и санитарно-гигиенические службы, правда, преимущественно в городах. Были знания,

¹ Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 69.

⁵ Там же. Л. 120.

⁶ Верненская городская санитарно-исполнительная комиссия. – *Семиреченские областные ведомости*. 1907. № 83.

⁷ Чума в Атбашинском участке, Пржевальского уезда, Семиреченской области. – *Семиреченские областные ведомости*. 1908. № 4-5, 8.

⁸ Чума в Семиречье. – *Семиреченские областные ведомости*. 1912, № 10-11, 13; Андреев Ив. По горным дебрям за чумой. – *Туркестанские ведомости*. 1913, № 23-24; Местные известия. – *Семиреченские областные ведомости*. 1913. № 196.

⁹ См.: Абдирашидов З. Указ. соч. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 198.

опыт, подготовленные кадры и, наконец, средства на «погашение» внезапно вспыхивавших эпидемий. И все равно они периодически случались, причем с немалыми жертвами.

У России уже имелся опыт организации врачебно-наблюдательных пунктов в Черноморско-Кавказском регионе, которые находились в ведении МВД. Появились такие пункты и на границах Русского Туркестана, причем они были устроены на основном направлении движения мусульманских паломников: как суннитов, следовавших к индийским портам для посадки на корабли, идущие в Хиджаз, так и для шиитов, отправлявшихся на поклонение своим святыням в Персии и Ираке (Турецкой Аравии). Существовали 5 таких пунктов, причем 4 из них располагались на персидской территории (Турбетский, Кяризский, Ширазский и Керманский), а 1 – на российской (Тохтабазарский Закаспийской области). Заведующие этими пунктами призваны были следить за санитарно-гигиеническим положением в своих местностях, чтобы предупреждать приближение эпидемий к границам Русского Туркестана и среднеазиатских ханств. Пункты были необходимы для своевременного выставления карантинных на границах. Они отслеживали движение паломников, а указанные пункты – особенно к шиитским святыням. В своих донесениях заведующие этими пунктами отмечали не только санитарно-гигиенические и медицинские условия, но общее положение в пунктах наблюдения, движение торговых караванов, количество товаров, их ассортимент, число обслуживающего персонала караванов, появление новых групп паломников и отдельных лиц и т.п.

Судя по архивным материалам, рапорты от заведующих пунктами шли часто – иногда по 1, а то и по 2–3 раза в неделю. В отличие от врачебно-наблюдательных станций Черноморско-Кавказского региона, рассматриваемые пункты были структурами Военного министерства и находились в подчинении военно-медицинского управления Туркестанского военного округа, по сметам которого они и содержались. Заведовали пунктами, как правило, младшие военные врачи в чине коллежского ассессора (майора). Но они могли быть и чином ниже. Любопытно, что рапорты заведующих указанными пунктами шли вначале не окружному военно-медицинскому начальству, а командованию 2-го Туркестанского армейского корпуса, но разным его представителям. Так, заведующий врачебно-наблюдательным пунктом в Турбет-Хайдари (Персия) подавал рапорты на имя начальника штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса, тогда как заведующий Кяризским пунктом направлял рапорты на имя лично командира 2-го Туркестанского армейского корпуса. Рапорты медицинского содержания просматривались командованием корпуса и передавались корпусному врачу, который, суммировав их содержание, отсылал сведения туркестанскому окружному военно-медицинскому инспектору¹.

Естественно, что в условиях фактически постоянного присутствия эпидемических заболеваний на территории Русского Туркестана и среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского – любой вид мусульманского паломничества – зиярат или хадж – были практически невозможны. Однако попытки некоторых «исследователей» обвинить в запрете посещения святых мест ислама в регионе или исполнения хаджа русскую администрацию в Туркестане совершенно беспочвенны. Независимая от властей мусульманская газета «Терджиман» свидетельствовала 11 марта 1897 г. (№ 10), что «туркестанский генерал-губернатор [Вревский. – В.Л.] после переговоров с бухарским эмиром и хивинским ханом запретил совершать паломничество к “святым местам”, расположенным на территории Русского Туркестана и ханств, из-за распространения холеры в этих государ-

¹ См. напр: Рапорт корпусного врача 2-го Туркестанского армейского корпуса Туркестанскому окружному военно-медицинскому инспектору от 5 января 1901 г. – *РГВИА*. Ф. 1402. Оп. 2. Д. 43. Л. 6-6(об).

ствах (курсив наш. — В.Л.)»¹. Как мы видим, запретительное творчество по отношению к региональному паломничеству мусульман к святым местам ислама в крае было плодом взаимного сотрудничества «главного начальника края» и двух среднеазиатских ханов, которых никто не заставлял идти на что-то подобное, ибо они сами прекрасно понимали его необходимость. Это был всеобщий консенсус, что трудно опровергнуть.

Таким образом, региональное (туркестанское) паломничество к святым местам ислама в регионе и хадж в Мекку нельзя более представлять как непрерывный процесс, что было свойственно многим его исследователям, не обращавшим внимания на такую «мелкую» деталь, как медико-эпидемиологический аспект проблемы. Зиярат и хадж туркестанских мусульман нередко прерывался, причем далеко не по политическим причинам, как это кажется националистически ориентированным историкам из государств так называемой Центральной Азии, а по более прозаическим — медико-эпидемиологическим — обстоятельствам.

Список литературы

Белью. 1877. *Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 г.* СПб: Типография Т-ва «Общественная польза». 309 с.

Бурнашев Т.С. 1818. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. — *Сибирский вестник*. Ч. 3. С. 95–130.

Зеланд Н. 1888. *Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки*. Записки Западно-Сибирского Императорского Русского географического общества. Кн. 9. Омск: Типография окружного штаба. 212 с.

Спасский Г. 1818. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году. — *Сибирский вестник*. 1818. Ч. 4.

LITVINOV Vladimir Petrovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of General History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University (28 Kommunarov St, Yelets, Lipetsk Region, Russia, 399770; vladlenli@yandex.ru)

SANITARY-EPIDEMIOLOGICAL MEASURES OF THE AUTHORITIES IN THE SYSTEM OF PILGRIMAGE OF RUSSIAN TURKESTAN MOSLEMS (1865–1917)

Abstract. The paper considers problems of struggle of authorities of Russian Turkestan with epidemiologic threats in the region. Only with establishment of imperial authority in Turkestan the organized struggle of Russian physicians against different epidemics began. However, it had a limited success because of an inert sanitary and hygienic way of life of local population. Attempts to improve it encountered resistance of Muslim clergy. The authority were against free movement of the population, including pilgrimage to sacred places in Russian Turkestan and Moslems' hadj to Mecca as pilgrims often were messengers of viruses of dangerous diseases. Although national engaged historians from Central Asia countries approve that the Russian authority forbade pilgrimage on political grounds, it is falsification. Ziaurat and hadj of Turkestan Moslems quite often were interrupted, and it was far not for the political reasons, but on more prosaic circumstances – according to medical-epidemiological situation.

Keywords: hadj, Moslems, Central Asia, Mecca, epidemics

¹ Цит. по: Абдирашидов З. *Указ. соч.* С. 103.